

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

УДК 261.5

DOI 10.52575/2712-746X-2024-49-3-582-591

Теология и не-теология: подлинность богословского призвания в концепции Карла Барта

Колесников С.А.

Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина
Россия, 308024 г. Белгород, ул. Горького, д. 71;

Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью)
Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии Русской
Православной Церкви Московского Патриархата
308009, Россия, г. Белгород, Белгородский пр-т, д. 75
skolesnikov2015@yandex.ru

Аннотация. Важную роль в результативном развитии современной теологии играет нахождение и понимание границ подлинности теологического истолкования мира, тех параметров, которые становятся ключевыми в верном раскрытии теологического призвания. Проблема присутствия теологии в современном гносеологическом контексте включает в себя определение того, чем является теология как особый способ познания и чем теология не является, не может быть по своим сущностным признакам. Несмотря на очевидную значимость такой постановки вопроса, системных исследований в этом направлении еще недостаточно для выявления всего проблемного горизонта, связанного с видением поля подлинности теологии. Целью данного исследования является выявление контуров подлинного и неподлинного понимания теологического призвания, осмысление гносеологической задачи теологии на примере богословской системы западного теолога К. Барта. В результате исследования были выявлены такие параметры подлинности теологического призвания, как гносеологическая смиренность, принятие опыта неочевидности, формирующего познавательную мобильность теологии между пониманием и мистерией; сакральное отношение к вербальному познанию на основе теологической диалогичности, навык теологического вслушивания в трансцендентальные обертоны Откровения. Полученные результаты вносят вклад в развитие концептуального понимания подлинности теологического исследования, выстроенного на принципах принятия благодати.

Ключевые слова: К. Барт, теологическое призвание, теология и современность, теология и познание

Для цитирования: Колесников С.А. 2024. Теология и не-теология: подлинность богословского призвания в концепции Карла Барта. *НОМОТНЕТІКА: Філасофія. Соцыялогія. Право*, 49(3): 582–591. DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-582-591

Theology and Non-Theology: The Authenticity of the Theological Vocation in Karl Barth's Concept

Sergey A. Kolesnikov

Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
71 Gorky St, Belgorod 308024, Russian Federation;
Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary component)
of "Belgorod and Stary Oskol Diocese" Orthodox religious organization,
Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate)
75 Belgorod Av., Belgorod 308009, Russian Federation
skolesnikov2015@yandex.ru

Abstract. For an effective development of modern theology, it is important to find and understand the boundaries of the authenticity of the theological interpretation of the world, the parameters that become key to the correct disclosure of the theological vocation. The problem of the presence of theology in the modern epistemological context includes the definition of what theology is as a special way of knowing, and what theology is not, what it cannot be in its essence. Despite the obvious importance of such presentation of the problem, systematic research in this direction is still insufficient to identify the entire problematic horizon associated with the vision of the field of theology authenticity. The purpose of this study is to identify the contours of a genuine and inauthentic understanding of the theological vocation, and to comprehend the epistemological task of theology on the example of K. Barth's theological system. The methods of comparison, analysis, deduction, induction, and the axiomatic method are used as methodological tools in the article. As a result of the research, such parameters of the authenticity of the theological vocation were revealed as epistemological humility, acceptance of the experience of non-obviousness, which forms the cognitive mobility of theology between understanding and mystery; a sacred attitude to verbal cognition based on theological dialogicality, and the skill of theological listening to the transcendental overtones of Revelation. The results obtained contribute to the development of a conceptual understanding of theological research authenticity based on the principles of acceptance of grace.

Keywords: K. Barth, theological vocation, theology and modernity, theology and cognition

For citation: Kolesnikov S.A. 2024. Theology and Non-Theology: The Authenticity of the Theological Vocation in Karl Barth's Concept. *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*, 49(3): 582–591 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-746X-2024-49-3-582-591

Введение

Ключевым вопросом современной теологической ситуации является вопрошание, что считать подлинной теологией. И не менее важным – что теологией не является. Генезис этого «последнего вопроса» (А. Азимов) тесно связан с герменевтическим аспектом: каков характер понимания и не-понимания в теологии, насколько горизонты теологического текста и теологического профессионального выбора сливаются с герменевтическим горизонтом интерпретации/проживания.

Интуиции герменевтических оснований как параметров подлинной теологии вспыхивают очень рано, уже в XIII столетии формируются контуры проблематики соотносительности теологии и понимания. «Сумма о благе» (*De summo bono*) Ульриха Страсбургского (ок. 1220–1277 гг.) фиксирует, очевидно, один из самых первых этапов осмысления подлинности/неподлинности теологии, напрямую связанного с проблемой понимания: «Ульрих Страсбургский считает, что теология – это наука о вере, то есть наука, благодаря которой предмет веры становится предметом понимания... Как таковой веры достаточно, но так не может обстоять дело с самой теологией, если, по меньшей мере, желают, чтобы она была наукой. По-своему воспринимая идеи Алана Лилльского и

Боэция, Ульрих констатирует, что всякая наука предполагает правила («*regulae veritatis*»), то есть принципы, на которые можно сослаться, чтобы завершить дискуссию» [Жильсон, 2004, с. 390]. Показательно, что вопрос о сущности теологии сразу выходит на проблему понимания фундаментальных принципов, которые и определяют подлинность/неподлинность теологии. Тот кульминационный момент, когда самому теологу становится понятным рассматриваемый теологический вопрос, есть вспышка – по Ульриху Страсбургскому, «чистый, формальный и интеллектуальный свет» [Новая философская энциклопедия, 2010, с. 612]), – высвечивающая концептуальный результат теологического выбора.

Сумма настоящей теологии

Сложность понимания, где и чем должен заканчиваться теологический выбор, как раз и определяет сложность параметрии подлинности и неподлинности «теологического существования» [Кюнг, 2000, с. 336]. Когда Эразм Роттердамский в «Похвале глупости» провокативно замечал, «что до богословов, то не лучше ли не прикасаться к этому ядовитому растению, хотя они и в великом долгу у Глупости» [Эразм Роттердамский, 1991, с. 42], когда С. Кьеркегор определял теолога как «профессора в том, что другого распяли» [Барт, 2006, с. 137], а И.Ф. Овербек безапелляционно утверждал, что «богословы – глупцы человеческого общества», то на этом фоне мужественно-финальным выбором проступают слова Карла Барта из его знаменитого второго издания «Послания к Римлянам»: «...Я сам – богослов! Я никогда не предполагал заниматься чем-то иным, кроме богословия. Вопрос заключается в том, что это за богословие!» [Барт, 2005, с. XXXI]. В этом четком определении финальности и завершенности выбора – «я – богослов!» – видится один из принципиальных признаков принадлежности Карла Барта к подлинной теологичности. Понимание того, что он является богословом, и то, что выбор богословского призвания окончателен, позволяют причислить К. Барта к теологам, определяющим «майнстрим» теологического потока.

Специфика теологической герменевтики – и в отношении текстов, и в отношении экзистенциального выбора – состоит в онтологической значимости этого понимания. Понимающее и понимаемое бытие в «теологическом существовании» являют неразрывное единство. Подлинный теолог прежде всего стремится понять окружающий мир в его религиозных основаниях, прожить в этом мире посредством понимания/истолкования своих теологических текстов-смыслов. Понимание как профессия и характеризует теологию в уникальном герменевтическом формате. При этом теологическое понимание обретает онто-оптический характер: прозрачность своей личной позиции в совершении теологического выбора хромографирует с непрозрачностью Божественного решения, и в этом стробоскопическом эффекте сполохов понимания/непонимания рождается подлинный теолог.

Высвеченность понимания настоящего теолога – не метафорическое выражение, а четкий критерий профессиональной компетентности. В. Хулап, переводчик К. Барта, отмечает: «Книга Барта – не просто библейский комментарий, точнее, она вообще не комментарий в общепринятом смысле слова. Это манифест, основанный на Послании к Римлянам апостола Павла, громко звучащий пророческий голос пламенного проповедника, неустанно критикующего человеческие усилия оправдаться перед Богом с помощью дел» [Барт, 2005, с. IX]. В данном фрагменте необходимо выделить параметр оптической пламенности, озаренной и озаряющей, который становится знаком теологической статусности.

Пламенная манифестационность как способ миропонимания сегодня присущ, пожалуй, только теологии; и только теология – все остальные гуманитарные сферы пронизаны сомнением и относительностью! – берет на себя право манифестировать проблему понимания и смысла экзистенции. Современная «гуманитарная»

гуманитаристика в целом носит комментирующий характер – о чем-то, но не что-то – подойдя к пределу своего объекта познания/понимания, а потому столь редким явлением является манифестационность сегодняшней «науки о человеке». Уникальность и одновременно подлинность теологической позиции Карла Барта раскрывается как раз в том, что его манифестационность выходит за рамки «гуманитарной» рефлексии и предлагает увидеть фундаментальные основания «предыстолкованности» мира в Божественном волеизъявлении. Понимание прозрачности координат своего теологического «места» (М. Хайдеггер) и наблюдательно-обсерваторских возможностей этого «места» определяет степень подлинности теологического существования.

Местоположение и хроно-топология теологического выбора К. Барта четко обозначена в характеристике Ву Куо-Эна: «Человек существует только в том, в чем его или ее история разворачивается, если историю строго понимать как серию встреч с новыми факторами, которые отличаются от бытия; для человека это означает то, что весь жизненный период его истории проходит как встреча Бога и человечества (в его теологической антропологии)» [Куо-Ап, 2011, р. 253]. Освещенность пониманием места встречи Божественного и человеческого, четкость тео-антропологической скульптурки и, как следствие этой освещенности, возникновение светоизлучающей манифестационности понимания – все это, в случае Карла Барта, формирует параметрию подлинности теологического существования.

Динамичная сущность теологии

Сложность параметрии подлинности теологии порождает подчас сомнение в принципиальной достижимости этой подлинности: кто может быть (или стать?) таким теологом? Эти сомнения – воплощенные, в частности, в горькой констатации Игнатия Брянчанинова: «С течением времени, с постепенным ослаблением христианства и повреждением нравственности знаменосные мужи умялись. Наконец, они иссякли окончательно» [Брянчанинов, 1905, с. 323], – словно подталкивают к признанию невозможности теологического выбора, неосуществимости теологического существования. Но для понимания того, что представляет из себя подлинная теология, необходимо понять, что есть сама теология. И здесь опыт теологической экзистенции Карла Барта оказывается опять максимально востребованным.

Еще один фактор, маркирующий подлинную теологию, согласно Барту, – принципиальная неочевидность результатов теологических исследований. В своем познании Божественного теология совершает скачок к человеческому, и прежде всего к проблеме греховного, и здесь неочевидность обнаруживает себя в максимальной степени: «Тот факт, что моя витальность грешна, что мои страстные желания должны быть уничтожены, в действительности не очевиден сам по себе» [Барт, 2010, с. 223]. Опыт неочевидности – уникальный опыт теологии, «работающей» с мистериальностью как предметом исследования и переводящей мистериальность в пространство познания.

Вместе с тем теология не может утопать в предмете исследования, закрыться в абсолютной мистико-мистериальной герметичности, и К. Барт дает пример транспортирования неочевидности в просвет созидательного понимания. Р. Дженсон фиксирует сверх-неочевидность методологии Барта: «Тайна Бога не может быть сведена к бытию мира как таковому. Однако нужно тут же добавить, что Бог также не находится в простой оппозиции к миру бытия, устанавливая диа-статическую такую разрыв. Когда Барт говорил о Боге в “Послании Римлянам”, то он не говорит о Боге как “совершенно Ином”, в смысле пространственного разделения мира и человечности. Такая концепция необоснованно отделяла бы Бога от созидательной реальности» [Jenson, 1969, р. 20]. Тем самым, теология выступает связующим звеном абсолютной неопределенностью и принципиальной познаваемостью, показывает возможность сопряжения этих несопоставимых областей.

П. Тиллих, в контексте рассуждений о богословии К. Барта, отмечал пограничную специфику теологической задачи: «Несомненно, в этом и состояла бы высшая цель богословской работы: найти такую точку, где действительность сама говорит о себе без всяких символов и одновременно говорит о безусловном, такую точку, где действительность сама без всяких символов становится символом, где устраняется противопоставление действительности и символа» [Барт, 2007, с. 27]. Тем самым теологии предлагается выступить в роли уникального научно-познавательного сегмента, в котором символическая амбивалентность, неопределенность гносеологии получали право на существование. Теология как пример гносеологической мобильности – то выступающей на свет понимания, то уходящей в закулисы неочевидного – должна обрести свое место в научном регистре, при этом, конечно, с учетом теологического опыта «общения» с мистериальностью.

Для Барта рубежность теологии проявлялась, например, в столкновении проповедничества и таинства: «Проповедь резко отличается от таинства тем, что она не составляет конститутивного элемента понятия католического священства» [Барт, 2007, с. 33]. Проповедующая теология и мистериальная теология – два лика, точнее, два методологических подхода в богословском исследовании. В этом аспекте, согласно Барту, четко проявляется пограничность подлинной теологии: проповедь как максимально – сцениграфично! – явленное герменевтическое бого-слово и таинство как мистериальность богословия-действия. Слияние слова и действия, признание за словом динамизма выводит теологический метод к особому типу филологичности, где фиксируется пограничная значимость слова как преодоления статичности во всех ее формах – эмоциональных, духовных, мировоззренческих.

«Все есть *litera*» [Барт, 2005, с. XLIII], – настаивал К. Барт в третьем предисловии к «Посланию Римлянам». И здесь динамичная филологичность должна рассматриваться как один из факторов подлинности теологии. Еще Петрарка в письмах «О делах семейных» настаивал на том, что «теология – это поэзия, объектом которой является Бог» [Жильсон, с. 588]. Но Барт в своем динамично-текучем понимании слова придает филологичности особую апофатическую тональность: для него теологическая филология, прежде всего филология Божественного «Нет», филология сакрального отрицания.

В пределе этого «нет» формируется специфическая результативность пограничности теологической экзистенции: прозревание в присутствии с сакральным «нет» подлинных оснований теологического поиска становится возможным только в случае принятия всей напряженности и ответственности теологического выбора. Для К. Барта ситуация сакрального отрицания обретает именно предельно-напряженный и одновременно результативно-созидательный характер: «"Нет", с которым мы встречаемся, – это "нет" Бога. То, чего нам не хватает, – это одновременно и то, что нам помогает. То, что нас ограничивает, – это новая земля. То, что прекращает всю мирскую истину, – это одновременно и ее основание. Именно потому, что "нет" Бога – абсолютно, оно есть и Его "да"» [Барт, 2005, с. 12]. Теология предлагает уникальный опыт принятия отрицания как духовно-эпистемологического инструментария: через «нет» познается «да», и этот опыт знания-понимания вряд ли можно встретить в иной научной области.

В формате пограничной ситуации сакрального отрицания возникает динамично-статическая герменевтика веры, что и фиксирует Барт в «Послании Римлянам»: «Вера – это уважение божественного инкогнито, любовь к Богу в осознании качественной разницы между Богом и человеком, Богом и миром, принятие воскресения как *изменения* мира, то есть принятие божественного "нет" во Христе, изумленная остановка перед Богом» [Барт, 2005, с. 13]. Динамика в статике – парадоксально-уникальный опыт познания, явленный в теологическом поиске, опыт, где, согласно Барту, преобладает «благоговение по отношению к этому "нет", желание пустоты, беспокойное пребывание в отрицании» [Барт, 2005, с. 15].

Показательным для Барта является трактовка подлинной теологии как со-присутствия сакрального «да/нет» в едином герменевтическом блоке. Причем это не только эксклюзивное мнение Барта, его поддерживал и П. Тиллих: «В итоге мы можем сказать, что невозможно возвещать или воспринимать Божественное отрицание, Божественное “нет”, без Божественного утверждения» [Тиллих, 1925, с. 153]. То, что Барт дефиницировал как теологический «перелом от “нет” Бога к “да” Бога» [Барт, 2010, с. 221], должно методологически определять профессиональную компетентность теологии.

Из такого понимания сущности теологии рождается специфическая концептуальность богословских построений Барта. Р. Дженсон писал, обозначая особенности концепции Барта: «Концептуальный режим богословия Барта может быть описан в противоположном направлении от традиционных принципов построения концепции. Это больше похоже на Конституцию, чем на закон. Подобно Конституции, богословие Барта открыто, создает условия для дальнейших интерпретаций» [Jenson, p. 190]. Конституционность, а не «чистая» концептуальность – так можно охарактеризовать представления Барта о подлинной теологии. Опыт взаимодействия с отрицанием, переходящим в гармонию, придает теологии особое конституционное оформление, где концептуальная ограниченность соединена с мистериальной всепронизанностью. И все же теология для Барта выстраивается в специфически упорядоченную систему, при которой «*бытие* теперь также есть *порядок*, в котором мы пребываем и, соблюдая который, мы единственно можем существовать» [Барт, 2010, с. 63]. Сложная архитектура теологической системы не должна превращаться в гносеологический хаос и вербально-дискретное прерывание. Представляется верной фиксация системности взглядов позднего Барта, представленная В.Н. Васечко: «1-ю часть “Церковной догматики” Барт посвящает обоснованию возможности богословия как такового. Оно может существовать только как следствие Откровения Бога о Самом Себе в Слове Божиим, Которое выступает в 2 ипостасях: как Слово, реченное Отцом Сыну в тайне троического бытия, и как Слово Откровения, обращенное Богом к человеку во Христе. Слово, обращенное к человеку, выступает в отражающем тайну Божественной Троицы триединстве Слова Откровения, Слова письменного и Слова провозглашаемого. Последнее существует как открывающее себя действие Бога к человеку; знание о Боге достигает человека не благодаря врожденной способности его разума, но только через признание Бога в вере» [Православная энциклопедия, с. 362]. В системном «диалоге» троического бытия и бытия Откровения как раз и обретает теология право на существование – право быть!

Таким образом, сущностные характеристики теологии проверяются Бартом на соответствие антиномичности как уникально-теологическому способу познания; смиренности, выступающей в качестве экзистенциальной установки теолога-исследователя; разработкам опыта неочевидности, формирующего эпистемологическую мобильность теологии между пониманием и мистериальностью; сакральной филологосности, рассматривающей теологическую диалогичность отрицания/утверждения в качестве импульса к динамике/статике богословского исследования; и, наконец, особому навыку теологического вслушивания в трансцендентальные обертоны Откровения.

Не-теология: замирающая неподвижность

Логичным продолжением вопрошания «что есть подлинная теология» становится вопрос о том, что, согласно Карлу Барту, не может быть отнесено к теологии, какие параметры препятствуют богословской маркировке исследования, претендующего на статус теологического.

Особенностью теологического исследования становится возможность оказаться во вне-теологическом регистре. Никакая иная научная сфера не подвержена столь резкому развороту

исследовательского вектора, который может выбросить – даже не догадывающегося подчас – теолога из пространства теологии. Оставленность благодатью, лишение принадлежности к подлинно теологическому изысканию – неотъемлемая составляющая риска теолога. «Человек, – пишет Барт в «Толковании Посланий...», – предоставляется Богом самому себе, оказывается брошен на произвол своей собственной судьбы, а отсюда уже непосредственно следует все остальное: вся та аморальность, для развития которой не просто нужна всемирная столица, но которая в той же (а возможно, и в еще большей) степени есть аморальность маленького города, деревни, простодушной провинции» [Барт, 2010, с. 26]. Выбрасывание на обочину богословского mainstream-а, в «провинциальность» теологического поиска – для теолога ситуация, в которую можно попасть с достаточно высокой долей вероятности. Это и есть риск впадения в не-теологию.

Теология, по Барту, представляет собой напоминание о возможности – непредсказуемой, непрогнозируемой и вместе с тем промыслительной – оставления, забвения и забывания. Право путешествовать по пространствам духовности неразрывно связано с опасностью заблудиться, и теология есть постоянное напоминание об этой опасности потери верного и выверенного пути. Теология научает навыку постоянной памяти об оставленности, о принципиальной возможности оказаться не-теологом в своих богословских поисках. Траектория теологического маршрута проходит и через места, где присутствует Божественное, и через места, лишённые сакральности, лишённые Божественного именованного, и через места, ещё не знающие этого поименования, никогда не проговаривавшие имени Божественного. На этом пути и возникает опыт оставленности – или выброшенности! – из теологического формата. Для каждого из этих «мест» требуется особая теологическая сенсорика, и если теолог не найдет в себе способы прислушивания к акустике новых мест, то может перестать быть настоящим теологом.

Проблема теологической маршрутизации в пространствах духовности и, как следствие, проблема параметрии ложных ориентиров, способных выманить теолога из этих пространств, являлись одними из важнейших тем для К. Барта. Его теологический опыт неоднократно сталкивался с ситуациями, когда, по его мнению, вектор тех или иных исследований оказывался во вне-теологическом спектре. Так, например, случилось в 1930-х гг., когда произошел разрыв между К. Бартом и Г.Э. Бруннером, предложившим в книге "Natur und Gnade: Zum Gespräch mit K. Barth", «Природа и благодать: к разговору с К. Бартом» (1934) в качестве оснований теологического поиска «естественное» слияние натуралистического и благодатного. Категоричность неприятия Бартом этой «не-теологии» отразилась в эмоциональном названии статьи, направленной против позиции Бруннера "Nein! Antwort an E. Brunner" («Нет! Ответ Э. Бруннеру»): «Я вынужден сказать "Нет!" Бруннеру...» [Brunner, 1946, p. 72]. Теологический либерализм, смешение несоединимого, в котором человеческое истолкование Бога будет определять, формировать и, следовательно, искажать Божественное откровение, было абсолютно неприемлемо для Барта. Показательным является применение ресурса «Нет!» – отзвука опыта взаимодействия с Божественным «Нет» – и это также сигнал Барта, маркирующий не-теологию, теологию, вызывающую восклицание «нет!».

Негативные оценки у Барта вызывало принятие в теологический контур такого научно-богословского «контента», который являлся не сопоставимым с его представлениями о «чистой» теологии. Так было с либеральной «естественностью» Бруннера; подобная отрицательная реакция возникла у Барта и в случае чрезмерной политизации теологии: в отношении Ф. Гогартена, принявшего идеи «немецких христиан» с их национал-социалистическим радикализмом, и в отношении О. Вебера, соединившего теологический формат с участием в национал-социалистическом немецком Союзе преподавателей в Геттингене.

Хаос теологического и не-теологического получает у Барта терминологическое определение *mixophilosophicotheologia* (смещение философо-теологии) [Барт, 2006, с. 7],

восходящее к теологу Абрахаму Калову. Вопрос допустимости смешения, степени спутанности теологического и не-теологического выводит Барта к проблеме принципиальной обособленности теологического концептуального построения. «Дешевый синтез», настаивал Барт, не допустим в подлинно теологической концепции: «Реалистичным здесь может быть (несмотря на перспективу единства всех наук в Боге, а также в первоисточке и цели их человеческого осуществления) только отказ от подобных дешевых... относительно легко осуществимых синтезов. <...> Можно жаловаться на обозначенные ими ограничения, можно в страстной надежде заглядывать за них в совершенное, но следует остерегаться попыток достичь этого совершенного. Скорее, следует признать, что... богословское познание, мышление и речь никак не могут быть всеобщими, а всеобщее не может быть богословским. И значит, что, как бы это ни было неприятно, с такой обособленностью и относительным одиночеством теологии по отношению к другим наукам подделать ничего нельзя» [Барт, 2006, с. 101]. Барт постулирует концептуально теологическое «одиночество», при этом презентуя развернутую типологию теологических концепций, которые, по его мнению, не могут органично входить в пространство подлинной теологии: «theologia archetypa (теология изначальная)», «theologia ektypa» (следующая образцу), «theologia paradisiacal» (райская)», «theologia comprehensorum (последних времен)», «theologia viatorum (теология странников)». Все эти теологические направления есть, по Барту, компромисс синтеза, допускающий принятие в теологическую сферу того, что допущено быть не может.

Но тезис об эпистемологической автономности теологической концепции выводит на вопрос о принципиальной возможности построения теологической концепции, которая бы соответствовала таким серьезным требованиям. Перед Бартом неотвратимо вставала проблема определения принципа создания теологической концепции и условий включения/невключения в такую концепцию тех или иных теологических компонентов. Р. Дженсон обозначает так контур данной проблематики: «Ключом к загадочным поворотам догматики Барта, которую он разрабатывал в течение ряда лет в Геттингене, Бонне и Базеле и записанной в двенадцати огромных томах "Церковной Догматики", в качестве абсолютного теологического приоритета становится существование Иисуса... Если отбросить приоритет Христа в рассмотрении любой доктрины Барта, то мы неминуемо включаем его концепцию в прямую противоположность, вид изоляции Божественного, так называемый "бартианизм"» [Jenson, 1969, p. 72]. Тем самым, концептуальность Барта основана на выводах, которые теолог должен сделать из непосредственно евангельского опыта земной жизни Христа. Опасность для теологической концептуальности, по Барту, состоит в возможности включения в христианский образ жизни формальных и псевдонаучных элементов, «папства книжников» (А. Шлаттер), заражающих теологию «слишком легко осуществимым синтезом». Еще в «Послании Римлянам» Барт отмечает опасность для теологии «общедоступности» и «определенности»: «Я считаю совершенно истеричной и безрассудной точку зрения, согласно которой сегодня необходимо прежде всего отделаться от богословия, а рассуждать и прежде всего говорить и писать о чем-то общедоступном... мы, богословы, наиболее отвечаем интересам "мирян" тогда, когда мы обращаемся к ним наименее определенно и непосредственно, но просто живем своим делом» [Барт, 2005, с. XXXI]. Вопрос горизонтов теологического понимания и взаимопонимания, некоторая приверженность к «теологии-в-себе», конечно, свойственна К. Барту, но основан такой подход на стремлении четко разграничить теологическое и не-теологическое.

Главным признаком не-теологического, по Барту, становится недостаточная настойчивость в продвижении тезиса об обособленном положении теологии как метода миропознания через образ Христа. Барт – причем поздний Барт, времен создания «Церковной догматики», а следовательно, теолог с грандиозным опытом теологического

существования – настаивал на предельной – запредельной? – серьезности принятия тезиса об обособленном положении теологии и доведения этого тезиса до поистине апокалиптических финалов. «Только темнота и вялость движения мысли, – писал он, – ...помешали наступлению этого всеобщего конца. Если бы кто-то вдруг принял всерьез то, с чем, в сущности, всего лишь играли, если бы кто-то после этого стал думать и говорить о Боге, что Бог есть реальная, говорящая и действующая Личность, если бы кто-то стал делать это (а иначе, наверное, и быть не могло) не на основе спекулятивных рассуждений, а на основе того, что Бог фактически изображен такой Личностью в Его откровении, – тогда в 80–90-е годы XIX века принципиально нарушилось бы, во всяком случае, богословское, а тем самым косвенным образом философское и, опять-таки косвенным образом, всеобщее мышление, и в результате развитие того, что имело место в XVIII веке, столь естественно перенятое XIX веком и продолжавшееся в нем, утратило бы, во всяком случае, эту свою естественность» [Барт, 2007, с. 260]. Апокалиптические обертоны как признак подлинности богословской концепции – такими рисовались перспективы развития теологии для Барта.

Причем не только апокалиптические финалы должны были быть представлены в подлинно теологическом исследовании, но и первоначала должны стать объектом богословского осмысления. Фрагмент «Церковной догматики» фиксирует этот тезис Барта: «Представим себе, что первые страницы Ветхого Завета либо пусты, либо заполнены какой-нибудь якобы данной в откровении космозофией, имеющей больше метафизическую, или больше естественнонаучную, или же смешанную направленность, и только за нею следовал бы рассказ о начале общения и завете между Богом и человеком... В таком случае каждая эпоха, а в конечном итоге и каждый человек должны были бы тогда отвечать на этот вопрос в соответствии с устройством и силой своего собственного духа. Соответственно непременно должно было оказаться различным понимание начала и всего протекания общения и союза между Богом и человеком. Ясно, что происходит с познанием всех дел Божьих там, где к первым страницам Библии относятся так, как будто они действительно пусты» [Барт, 2007, с. 485]. Теолог, создавая свою концепцию на основании «первоначальной пустоты», неминуемо выпадал, согласно Барту, за рамки подлинно теологического, лишался оснований для рассмотрения теологических проблем, для самой возможности теологического вопрошания.

Заклучение

Вывод, который напрашивается из рассуждений Барта о «началах и концах» теологии, парадоксально неоднозначен. Критическим вопросом становится сама принципиальная возможность построения такой теологической концепции, которая бы соответствовала заявленным высочайшим требованиям. Но Барт настаивает на выполнимости этих требований, аргументируя тезис о соразмерности человеческих возможностей с заповедями: «Бог, который противостоял бы человеку только как бесконечно возвышенный, далекий и чуждый в своей бесчеловечной Божественности, если бы и обнаруживал как-то свое присутствие для человека, мог бы стать для него только Богом "дисангелия", дурной вести» [Барт, 2006, с. 15].

Подлинная теология – теология доброй вести, и эту функцию призван выполнять настоящий теолог.

Список литературы

- Барт К. 2005. Послание к Римлянам. М., ББИ, 580 с.
Барт К. 2006. Введение в евангелическую теологию. М., Центр Нарния, 192 с.
Барт К. 2007. Церковная догматика. Том I. М., ББИ, 560 с.
Барт К. 2010. Толкование Посланий к Римлянам и Филиппийцам. М., ББИ, 306 с.
Брянчанинов И., свят. Творения. Т. 4. СПб. 1905, 422 с.
Жильсон Э. 2004. Философия в средние века: от истоков патристики до конца XIV века. М., Республика, 678 с.

- Кюнг Г. 2000. Великие христианские мыслители. СПб., Алетейя, 442 с.
Новая философская энциклопедия в 4-х т. 2010. Т. 4. М., Мысль, 736 с.
Православная энциклопедия. 2002. Т. 4. М., АО Московские учебники и картолитография, 751 с.
Тиллих П. 1925. Диалектическая теология. *Путь*, 1: 148–154.
Эразм Роттердамский. 1991. Похвала глупости. М., Советская Россия, 464 с.
Brunner Emil. 1946. Natural theology, comprising "Nature and Grace" and the reply "No!" by Dr. Karl Barth. London, Geoffrey Bles, The Centenary Press.
Jenson R. W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind.: Bobbs-Merrill, 218 p.
Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh.

References

- Bart K. 2005. Poslanie k Rimlyanam [Epistle to the Romans]. Moscow, Publ. BBI, 580 p.
Bart K. 2006. Vvedenie v evangelicheskuyu teologiyu [Introduction to Evangelical Theology]. Moscow, Publ. Narnia Center, 192 p.
Bart K. 2007. Cerkovnaya dogmatika [Church dogmatics]. Vol. I. M., BBI, 560 p.
Bart K. 2010. Tolkovanie Poslanij k Rimlyanam i Filippijcam [Interpretation of the Epistles to the Romans and Philippians]. Moscow, Publ. BBI, 306 p.
Ignatius Bryanchaninov, saint. 1905. Tvoreniya [Creations]. V. 4. St. Petersburg, 422 p.
Zhilson E. 2004. Filosofiya v srednie veka: ot istokov patristiki do konca XIV veka [Philosophy in the Middle Ages: from the origins of patristics to the end of the XIV century]. Moscow, Publ. Republic, 678 p.
Kyung G. 2000. Velikie hristianskie mysliteli [Great Christian thinkers]. St. Petersburg, Publ. Aleteya, 442 p.
Novaya filosofskaya enciklopediya v 4-h tt. 2010. [The New Philosophical Encyclopedia in 4 volumes]. V. 4. Moscow, Publ. Mysl, 736 p.
Pravoslavnaya enciklopediya. 2002. [The Orthodox Encyclopedia]. Vol. 4: Moscow, Publ. JSC Moscow textbooks and cartolithography, 751 p.
Tillih P. 1925. Dialekticheskaya teologiya [Dialectical theology]. *Put*, 1: 148–154.
Erazm Rotterdamskij. 1991. Pohvala gluposti [Praise of stupidity]. Moscow, Publ. Soviet Russia, 464 p.
Brunner Emil. 1946. Natural theology, comprising "Nature and Grace" and the reply "No!" by Dr. Karl Barth. London, Publ. Geoffrey Bles, The Centenary Press.
Jenson R. W. 1969. God after God: The God of the Past and the Future as Seen in the Work of Karl Barth. Indianapolis, Ind. Bobbs-Merrill, 218 p.
Kuo-An Wu. 2011. The Concept of History in the Theology of Karl Barth. Edinburgh: University of Edinburgh.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest has been reported.

Поступила в редакцию 05.04.2024

Поступила после рецензирования 05.07.2024

Принята к публикации 30.08.2024

Received April 05, 2024

Revised July 05, 2024

Accepted August 30, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Колесников Сергей Александрович, доктор филологических наук, профессор, Белгородский юридический институт МВД России им. И.Д. Путилина; проректор по научной работе, Белгородская православная духовная семинария (с миссионерской направленностью) Православной религиозной организации Белгородской и Старооскольской епархии Русской Православной Церкви Московского Патриархата, Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sergey A. Kolesnikov, Doctor of Philology, Professor, Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia; Vice-Rector for Research, Belgorod Orthodox Theological Seminary (with a missionary component) of "Belgorod and Stary Oskol Diocese" Orthodox religious organization, Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate), Belgorod, Russia.